

СТЕКЛЯННЫЙ ПЛЕН

AMOR EM ESTILHAÇOS

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ника Лунара

18+

Ника Лунара

СтеклЯнный плен

<https://litres.ru/73988229>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Анны Громовой была идеальная жизнь. Успешный муж, большой дом, взрослый сын и тихий мир, в котором всё давно казалось прочным и безопасным. Пока в этом доме не появился начальник охраны.

Никита Барсов слишком молод для своей пугающей власти. Слишком спокоен для человека, рядом с которым становится трудно дышать. И слишком внимательно смотрит на Анну.

С его появлением по идеально прозрачному стеклу её жизни медленно поползли трещины. Потому что некоторые мужчины приходят не для того, чтобы защищать. Они приходят, чтобы забрать.

Содержание

ВНИМАНИЕ: ОТ АВТОРА	4
Досье персонажей	6
Пролог.	9
Глава 1.	11
Глава 2.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ника Лунара

Стекло́нный плен

ВНИМАНИЕ: ОТ АВТОРА

Добро пожаловать в мир, где цена безопасности — твоя полная потеря контроля.

«Стекло́нный плен» — история о любви, которая строит стены, а не рушит их. Здесь нежность пробивается сквозь пуленепробиваемое стекло вопреки здравому смыслу. Это выбор между обломками прошлого и миром, где тебя защищают так, что невозможно дышать без чьего-то позволения. Грань между «я тебя защищу» и «я тобой владею» тонка, как грань стекла. Если вы не готовы к серой зоне морали и одержимости — эта дорога не для вас.

Строго 18+

Мы начинаем этот путь в месте, где двери — лишь иллюзия.

Я буду признательна за ваши мысли. Где для вас проходит черта между «безопасным пленом» и свободой? Можно ли считать счастьем жизнь, выстроенную за вас другим человеком? Давайте обсудим всё, что осталось между строк — я жду вас с первых глав.

Чувствуйте. Сомневайтесь. Смотрите сквозь стек-

ло.

Досье персонажей

Анна Громова (в девичестве — Макарова). «Стеклянный ангел».

Возраст: 37 лет.

Рост: 168 см.

Статус: Жена крупного девелопера, автор эротических романов (псевдоним: Антуанетта Ридер).

Внешность: Хрупкое телосложение, длинные черные волосы, ярко-зелёные глаза, аристократичные черты, родинка на ключице.

Ключевая черта: Внешняя покорность, скрытая ярость, железный стержень в кризис.

Цитата: *«Самая опасная клетка — та, к которой при-
выкаешь».*

Дмитрий Громов. «Владелец».

Возраст: 45 лет.

Рост: 185 см.

Статус: Владелец «ГромовСтройГрупп», элита города.

Внешность: Плотное телосложение, темно-русые волосы с проседью, темно-карие жесткие глаза, волевое лицо.

Ключевая черта: Властность, прагматизм, уверенность в том, что всё можно купить.

Авто: Черный Mercedes-Benz S-Class.

Важное: Не курит 5 лет.

Цитата: *«Семья — это не про чувства. Это про статус и порядок».*

Артём Громов, сын Дмитрия и Анны. «Тень отца».

Возраст: 18 лет.

Рост: 180 см.

Статус: Студент юрфака.

Внешность: Худощавый, русые вьющиеся волосы, серые глаза, шрам на брови.

Ключевая черта: Мягкость, интеллигентность, подавленный страх.

Авто: Семейный водитель (черная Toyota Camry).

Цитата: *«Отец говорил, что я слабый. Никита показал, что слабым быть просто невыгодно».*

Никита Барсов. «Охотник».

Возраст:22 года.

Рост:190 см.

Статус:Владелец ЧОП «Барс-Секьюрити».

Внешность:Атлетичное телосложение («волк-рукопашник»), темные короткие волосы, серо-стальные глаза. Татуировка оскала волка на правом предплечье.

Ключевая черта:Тотальный контроль, кодекс защиты женщины, травматичный опыт (наблюдал за разрушением матери отцом-авторитетом).

Авто:Матово-черный Porsche Cayenne / BMW X7.

Цитата:*«В моей конструкции дверей изначально не предусмотрено».*

Пролог.

*Путь к свободе лежит через
осколки.*

*Чтобы выбраться из плена,
придется изрезать и тело, и душу.*

Ника Лунара.

Никита.

Мне четырнадцать. Отец велел стоять слева от него. Я стою. В зале слишком светло. Свет люстр бьёт по глазам, отражаясь в бокалах. Пахнет сигарами и чем-то приторно-сладким. Гости ржут так громко, будто пытаются друг друга перекричать. Я давно заметил: здесь все будто друг другу что-то продают. Даже когда здороваются.

Мама стоит у окна. Она всегда там стоит. Красивая, в дорогом шмоте, но какая-то... никакая. Отец проходит мимо, теща за собой бабу в красном, и даже не смотрит на мать. У нас дома всё просто: женщина либо рядом, либо её не замечают. Про любовь здесь не говорят.

Я смотрю на маму и понимаю, что так жить я не хочу. От этого понимания внутри становится холодно.

Потом я вижу её.

Она входит в зал в светлом платье, и мне кажется, что в

этой душной комнате вдруг открыли окно. Рядом с ней мужик в костюме, крепко держит её под локоть. Наверное, муж.

Она смотрит на него. И я залипаю. Я никогда не видел, чтобы на мужика так смотрели. В её глазах, зелёных, ярких, как стекло на солнце, живёт настоящее тепло. Она касается его руки просто так, не потому что надо, а потому что хочет. Без страха.

И вдруг она поворачивает голову. Стоит нашим взглядам столкнуться — и меня накрывает ударной волной. Внутри всё вспыхивает и замыкает. Я просто тону в этой зелени.

Она не отворачивается сразу. Наоборот, её губы чуть дёргаются, и она мне улыбается. Тихо так, по-доброму. Как будто увидела меня настоящего в этой толпе.

В голове сразу появляется мысль: вот как должно быть. Я хочу, чтобы когда-нибудь на меня смотрели так же. Чтобы моя женщина не стояла у окна, как мама. Чтобы она вот так касалась меня, и ей было спокойно.

Я смотрю на маму, которая опять превратилась в тень, потом на эту женщину. Я не буду как отец. Я стану таким, мимо которого нельзя пройти спокойно. Чтобы я мог дать своей женщине всё, что она захочет.

Я не знаю, кто она, эта зеленоглазая женщина. Но я почему-то сразу понял: этот образ я не забуду. Он впечатался в меня намертво.

Глава 1.

Анна.

Свиной стейк должен быть прожарен идеально. Дима не выносил розового сока у кости, сразу кривился, откладывая нож и смотрел на меня так, будто я лично сорвала ему сдачу крупного строительного объекта.

Я стояла у плиты, придерживая край длинного рукава домашнего халата, и смотрела, как на тяжелой чугунной сковороде шкворчит масло. Часы в гостиной пробили семь раз. Глухо, дорого. В нашем доме вообще всё звучало дорого, даже тишина.

Замок входной двери щёлкнул в семь ноль пять.

Я выключила конфорку, быстро поправила перед зеркалом в холле волосы, прядь к пряди. Димочке всегда нравилась безупречность, и вышла навстречу.

— Привет, — он протянул мне плотный кожаный портфель, подставив щеку для дежурного поцелуя. От него пахло прохладой, хорошим парфюмом со шлейфом табака. Дима бросил курить пять лет назад. Но сегодня от его костюма разило чужим, едким дымом дешевых сигарет. Значит, на работе действительно проблемы, и он снова часами торчал на объектах с прорабами и ментами.

— Привет. Ужин готов. Тяжелый день? — я забрала пальто, привычно вешая его на литые плечики.

— Не то слово, — он с шумом выдохнул, ослабляя узел галстука. — Мальчишка дома?

— У себя. Сейчас позову. Накрывать?

— Да, давай быстрее. Голова раскалывается.

Я поднялась во второй этаж, стараясь ступать мягко, хотя пушистый ковер и так скрадывал любые звуки. Постучала в комнату сына.

— Тём, папа пришел. Спускайся ужинать.

Дверь приоткрылась. Артём выглянул, пряча глаза под отросшей челкой, буркнул: «Иду» — и тут же скрылся. Я успела заметить, как он сутулится, словно пытается занять в пространстве как можно меньше места. Мягкий. Слишком мягкий для своего возраста.

В столовой всё уже было расставлено. Тяжелое серебро, тонкий фарфор. Мы сели за стол. Дима сразу взялся за нож и вилку, аккуратно надрезал мясо. Проверил. Розового сока не было. Я мысленно выдохнула.

— Опять на южной площадке ЧП, — заговорил Дима после пары минут молчания, хмуро глядя в свою тарелку. — Ночью подожгли бытовки. Убытки копеечные, но сам факт. Наглость запредельная. Силовики руками разводят, камеры, видите ли, ничего не зафиксировали. Суки проплаченные. Нас откровенно выдавливают с этого тендера.

Я не лезла в его дела глубоко, Дима этого не любил, но и совсем отстраненной не была. Кое-что знала, умела слушать. Фамилии его конкурентов и партнеров иногда всплывали в

разговорах за ужином.

— Дима, может, стоит нанять кого-то еще? — тихо спросила я, подливая ему минералку. — Если полиция не справляется.

— Уже, — Дима резко отрезал кусок стейка. — Сегодня подписал контракт. Знакомые привели парня... молодого, правда, двадцать два всего. Но там такая порода, что возраст не имеет значения. Барсов. Слышала, может, про его отца? В девяностые его вся область знала. Его сын легализовался, открыл охранное агентство, четыре года на рынке и ни одного прокола. Жесткий, как вольфрам. Мои безопасники его проверяли, у него в штате бывшие спецы, дисциплина армейская. Сегодня его люди приняли объект под охрану. Посмотрим.

Барсов. Фамилия прозвучала резко, как щелчок кнута, и внутри меня что-то странно ёкнуло. Какое-то смутное, далекое эхо. Что-то знакомое... Где-то я её уже слышала. Очень давно. Но мысль ускользнула, вытесненная будничной суетой столовой.

Ужин закончился в тишине. Артём сбежал к себе первым, сославшись на подготовку к семинару. Дима ушёл в кабинет допивать коньяк и изучать отчеты.

В спальне было прохладно. Наша кровать с огромным изголовьем из темного бархата казалась отдельным островом.

Дима лёг ближе к полуночи. От него пахло алкоголем и мятой от зубной пасты. Он перевернулся на бок, уверенно,

по-хозяйски привлекая меня к себе. Его ладони легли на мои бедра.

Он был хорошим любовником. Опытным, техничным, знающим моё тело до малейшего изгиба. Дима всё делал правильно, неторопливо, давая мне время согреться и подстроиться под его ритм. Секс у нас в последнее время случался нечасто, пару раз в месяц, но это всегда было качественно. Нормальный, предсказуемый секс супругов, которые слишком долго живут вместе.

Я послушно откликалась, двигалась в такт его толчкам, тихо стонала ему в плечо, когда нужно. Было хорошо. Тело получало свою привычную норму удовольствия.

Но когда Дима зарылся лицом мне в шею, прерывисто выдыхая в финале, я поймала себя на мысли, что внутри меня, в самой глубине, где прячется настоящая я, царит абсолютная, пугающая тишина: никакого безумия, никакого сносящего крышу восторга. Просто выполненный пункт в расписании идеальной жизни.

Дима почти сразу отвернулся к стене, поцеловав меня в плечо, и мерно задышал. А я осталась лежать на спине, глядя на то, как полосы света от уличного фонаря режут потолок нашей спальни. Ровные, серые полосы.

Мы познакомились, когда мне было восемнадцать. Я была восторженной девчонкой с распахнутыми глазами. А Диме исполнилось двадцать шесть, он уже крепко стоял на ногах и точно знал, чего хочет от жизни. Расчет родителей? На-

верное. Но тогда он казался мне богом, взрослым, сильным, способным защитить от всего мира. В девятнадцать я вышла за него, в ту же осень родился Артём. Девятнадцать лет вместе. Почти половина моей жизни. Идеальный брак по всем меркам. Подруги завидовали до скрежета зубов.

Я повернула голову и посмотрела на свое отражение в зеркале шкафа. В темноте силуэт казался размытым. Просто бледное пятно на фоне дорогой мебели. Тень.

А ведь мне всего тридцать семь. У меня длинные, тяжёлые чёрные волосы и яркие зеленые глаза. Моим глазам всегда делали комплименты, говорили, что в них можно утонуть. Я стройная, наверное, даже не потому, что регулярно посещала элитный спортзал, а просто генетика, в роду у меня все женщины были точеными, тонкими. В свои тридцать семь я выглядела значительно моложе, мне часто об этом говорили.

Всё это было при мне — и красота, и порода, и безупречная, заигравшая полной силой зрелость. Но Дима перестал замечать это лет пять назад. Я стала для него частью интерьера, дорогой, привычной картиной на стене, которуюценишь, но на которую уже не смотришь в упор.

Я закрыла глаза, проваливаясь в тяжелый, душный сон.

И на самой грани между мыслями и беспомыслием меня вдруг настигло воспоминание. Резкое, отчетливое, совершенно не к месту.

Мне двадцать девять. Какой-то закрытый прием в загородном доме, куда Дима взял меня с собой. Огромный зал,

тяжёлый запах дорогого алкоголя, сигаретного дыма и бьющий по нервам свет массивных люстр, режущий глаза. Вокруг мужчины со взглядами волков и их лощеные, фальшивые женщины.

И один мальчишка: худой, сжатый как пружина. Пацан лет четырнадцати, который весь вечер неподвижно стоял слева от своего страшного отца, хозяина того дома. Стоял идеально прямо, дисциплинированно, будто слишком рано усвоил правила этого мира. Но покорности в нём не было ни грамма. В этом подростке вообще не осталось детской суеты. Он казался неестественно холодным, собранным, а в глазах уже читался опасный, хищный блеск человека, который слишком рано увидел, как ломают людей.

Он не смотрел ни на кого из гостей. Он смотрел только на меня. В упор, не отрываясь, провожая взглядом каждое моё движение, будто в этой душной, криминальной клоаке я была единственным чистым существом. Он смотрел в мои зеленые глаза так... как смотрят на ангела. С каким-то диким, ошеломленным благоговением, от которого у меня тогда мурашки побежали по коже.

Я резко открыла глаза, хватая ртом воздух. Сердце бешено колотилось...

Потолок спальни всё так же резали серые полосы света от уличного фонаря. Рядом ровно и глубоко дышал Дима. Я перевернулась на бок, подтянув колени к груди. Нахлынувший морок медленно таял, оставляя после себя странное, тревож-

ное послевкусие. К чему это сейчас? Столько лет прошло, я и думать забыла про тот вечер. Мы ведь с Димой пробыли там от силы часа полтора, он быстро уладил какие-то вопросы, и мы уехали. Я даже не помнила толком, чья это была закрытая усадьба, память услужливо стёрла имена тех страшных людей. Наверное, просто вечерние разговоры мужа о поджогах, бандитских наездах и этот вьёвшийся в его пиджак запах чужого дешёвого табака так глупо отозвались в подсознании, вытащив наружу старый кошмар.

Я покрепче зажмурилась, приказывая себе спать. Слишком много странных мыслей для одной ночи.

Утро в нашем посёлке всегда наступало бесшумно. Никакого городского гула, только едва слышный шелест деревьев за окном.

Дима проснулся в семь. Пока он принимал душ, я спустилась на кухню. Готовить я всегда предпочитала сама. Дима зарабатывал достаточно, чтобы нанять личного шеф-повара, но в этом вопросе я проявила твёрдость. Прислуга, молчаливая женщина средних лет, приходила к нам всего три раза в неделю, исключительно ради генеральной уборки и глажки. Находиться в одном пространстве с чужим человеком каждый день мне было физически тяжело. Да и кухня оставалась моей маленькой территорией контроля. Здесь правила устанавливала я.

Завтрак прошёл по привычному сценарию. Дима, без-

упречно выбритый, в свежей рубашке, молча пил кофе и листал рабочую почту в планшете. Лицо его было серым от недосыпа, вокруг глаз залегли тени. Проблемы с объектами явно не давали ему покоя.

Перед выходом он привычно коснулся сухими губами моей щеки.

— Буду поздно, Ань. Сегодня встреча с Барсовым на объекте, нужно лично принять новые посты охраны. Не теряй.

— Хорошо. Удачи, Дим.

Артём спустился на кухню через десять минут после отъезда отца. Заспанный, хмурый, он молча выпил стакан сока, перехватил со стола бутерброд с сыром и, на ходу натягивая капюшон своего любимого худи, бросил:

— Ладно, мам, я побежал. Олег уже ждёт.

В окно кухни я видела, как Тёма садится на заднее сиденье нашего представительского седана. Олег, наш бессменный семейный водитель, закрыл за ним дверь, сел за руль, и машина плавно покатила по подъездной дорожке к кованым воротам.

В девять часов дом окончательно опустел. На сегодня у меня не было запланировано никаких дел: ни поездок по магазинам, ни визитов в спа-салон, ни тренажерного зала, ни встреч с подругами, чей пустой светский трép в последнее время вызывал у меня только раздражение. Весь этот день принадлежал только мне одной.

Я поднялась на второй этаж, зашла в свой маленький ка-

бинет и заперла дверь на защёлку. Это был уже автоматический жест. Мой личный ритуал конфиденциальности.

Достала ноутбук, открыла браузер и зашла на литературный портал под своим псевдонимом. Я выкладывала там новую книгу бесплатно, глава за главой, не ради денег, ради глотка воздуха. На странице романа горели уведомления: новые просмотры, лайки и десятки комментариев. Мои читатели спорили о героях, плакали над тяжёлыми сценами, восхищались той сумасшедшей, больной страстью, которую я выплескивала на электронные страницы.

Один комментарий заставил меня остановиться. Девушка с романтичной аватаркой писала: *«Дорогой автор, это невероятно! Настолько чувственно, тонко и остро, что каждый раз мурашки по коже. Сразу видно, что вы сами пережили нечто подобное. Вы так потрясающе описываете любовь, заботу и эту дикую искру между мужчиной и женщиной... Значит, в вашей жизни всё так же ярко и сногшибательно! Вам безумно везёт. Спасибо, что делитесь этим светом!»*

Я смотрела на эти строчки, и губы сами собой тронула горькая, почти болезненная улыбка: *«везёт», «всё так же ярко»*.

Эта девочка-читательница даже не догадывалась, что всё работает с точностью до наоборот. Что я пишу об этом огне только потому, что сама замерзаю в своей безупречной ледяной избушке. Что каждая яростная сцена, каждый отчаян-

ный поцелуй моих героев — это суррогат, попытка согреть пальцы над нарисованным на холсте очагом. Мой «свет» был всего лишь фантомом.

Я закрыла вкладку, так и не найдя сил ответить, и углубилась в текст. Пальцы летали по клавиатуре, выстраивая чужую, наполненную смыслом и болью жизнь.

Очнулась я только в начале четвертого. Время пролетело как один миг. Кожа на лице горела от эмоционального напряжения. Я спрятала ноутбук в ящик стола, заперла его на ключ и спустилась на кухню. Скоро должен был вернуться Артём, а к его приезду обед должен быть горячим. Я принялась чистить овощи для супа, резать зелень, полностью погружившись в привычные кулинарные хлопоты. Это успокаивало.

В четыре часа в прихожей звякнул замок. Из окна я мельком увидела, как машина Олега отъезжает обратно к гаражу.

— Тём, — крикнула я, вытирая руки полотенцем, — обед на столе, раздевайся.

Сын вошёл в холл. Но как-то странно, боком, прижимая к себе рюкзак, словно пытался что-то им загородить.

— Привет, мам, — буркнул он, не поднимая головы.

Я вышла навстречу и тут же нахмурилась. Правый рукав его новой бежевой куртки был густо испачкан серой, сухой грязью. Словно он со всего маху притёрся плечом к какому-то немытому строительному забору или запылённой стене. На тёмно-синих джинсах в районе колена тоже виднелся

чёткий грязный след, Артём явно пытался отряхнуть его ладонью, но только размазал пыль по ткани.

— Ой, Тём... — я сделала шаг к нему, потянувшись к испачканному плечу. — Ты где так изваляться успел? Куртка же совсем новая, мы только на прошлых выходных её взяли. Олег тебя прямо от крыльца института забирал?

Артём резко дёрнул плечом, уходя от моего прикосновения, и принялся поспешно стаскивать куртку, выворачивая её грязной стороной внутрь, чтобы скрыть пятна.

— Да нормально всё, мам. На парковке возле корпуса шёл, задумался и об чужую машину теранулся. Немытый внедорожник какой-то стоял, — он говорил быстро, излишне буднично, но глаза упорно прятал, утыкаясь взглядом в паркет. — Я не очень голоден, правда. Пойду переоденусь сначала, ладно? У меня там реферат надо доделать.

Он подхватил рюкзак и почти взбежал по лестнице на второй этаж.

Я осталась стоять посреди просторного холла, сжимая в руках полотенце. На душе остался неприятный осадок. Артём врал. Олег всегда парковался на специальной VIP-зоне прямо у главного входа, Тёме просто негде было тереться о чужие грязные джипы. Да и эта его суетливость, это паническое желание поскорее закрыться в своей комнате...

В свои восемнадцать лет сын оставался слишком домашним, мягким парнем. Он вырос за высокими заборами элитного посёлка, в мире, где жизнь была понятной и предска-

емой. Он не знал угроз извне и не имел иммунитета к агрессии. На первом курсе юридического, где учились совершенно разные дети, в том числе обнаглевшие от безнаказанности мажоры, его тихий характер и вежливость могли легко сделать мишенью.

Я вздохнула, глядя на пустую лестницу. Ладно, нужно успокоиться. Скоро должен был приехать Дмитрий. Возможно, стоит мягко поделиться с ним своими предчувствиями.

Дима вернулся в начале восьмого. Вместо майской свежести он принёс с собой тяжёлое, глухое раздражение и тонкий горьковато-сладкий запах чужих духов. Не моих.

Внутри у меня привычно, слабо царапнуло, но я даже не подала вида. За годы брака я слишком хорошо выучила Димины ответы. Стоило мне один раз мягко спросить про чужой парфюм, как он снисходительно улыбнулся и отрезал: *«Ань, у меня десятки встреч за день. Партнёры, их жены, инвесторы на переговорах. Ревность тебе совершенно не к лицу, ты же умная женщина, не опускайся до уровня банальных домохозяек»*. С тех пор я вопросов не задавала. Ему всегда удавалось выставить меня виноватой в моих же подзрениях.

Он даже не стал снимать галстук, просто швырнул портфель на консоль в холле и, едва прикоснувшись к моей щеке сухими губами, глухо бросил:

— Накрывай в кабинете, Ань. Я не пойду в столовую. Жрать хочу смертельно, но сил сидеть за столом нет.

Я молча кивнула. За годы брака я научилась читать его состояния без слов. Когда Дима бывал в таком напряжении, его лучше было не трогать.

Я собрала поднос: тарелка горячего супа, запечённое мясо, хлеб. Артём к отцу так и не спустился, затих в своей комнате, и это только укрепило моё решение поговорить. Дойдя до двери Диминого кабинета, я аккуратно толкнула её бедром.

Муж сидел в глубоком кожаном кресле, откинув голову на спинку. Глаза закрыты, на лбу прорезалась глубокая складка. На столе уже стоял начатый бокал коньяка.

— Поешь, Дим, — я тихо поставила поднос на край стола и присела на подлокотник соседнего кресла.

Он открыл глаза, посмотрел на еду, словно не понимая, откуда она взялась, но потом всё же взял ложку. Несколько минут в кабинете слышался только тихий стук фарфора. Я ждала, мягко перебирая пальцами бахрому на диванной подушке.

— Ну что, Барсов принял объекты? — осторожно спросила я, когда он отодвинул пустую тарелку и потянулся к коньяку.

— Принял, — Дима сделал глоток. Во взгляде мелькнуло что-то похожее на невольное признание, но он тут же спрятал его за привычной сдержанностью. — Пацану двадцать два, Ань. Я думал, придет сынок авторитета: пальцы веером, гонор... А там не сынок. Там уже готовый хищник. При-

казы отдаёт тихо, сквозь зубы, а его амбалы, которые мне в отцы годятся, перед ним по струнке ходят. За три часа его люди перерыли всю южную площадку, нашли три слепые зоны в камерах, о которых мои безопасники даже не заикались. Он работает как хирург — чисто, жёстко, эффективно. Сказал мне: «Дмитрий Анатольевич, если до утра хоть одна мышь без пропуска на объект зайдёт, я лично этой мыши хребет переломаю». И знаешь что? Я ему верю. Хватка бешеная. У него явно огромные амбиции, он хочет полностью очистить имя от отцовского шлейфа, сделать агентство лучшим в стране. Отец-то его до сих пор в городе силу имеет, старая гвардия на него молится, а Никита демонстративно отдельно работает. Почти честно. Почти легально. Своими силами.

Я слушала мужа, и внутри снова шевельнулось то смутное, далёкое эхо от фамилии Барсов, но я опять отмахнулась от него. Сейчас меня волновало другое.

— Дим... я насчёт Тёмы хотела поговорить, — я поправила домашний халат, взглядываясь в его усталое лицо. — Он сегодня опять пришёл из университета сам не свой. Куртка в грязи, джинсы испачканы. Врёт, что об машину притёрся на парковке, но у самого глаза затравленные, руки трясутся. Мне кажется, у него там какие-то проблемы. С однокурсниками или... не знаю. Напряжённый он очень в последнее время.

Дима раздражённо выдохнул, прикрыв глаза, и сделал ещё

один глоток коньяка.

— Не волнуйся, милая. Тёма — пацан, сам разберётся. Ну притёрся курткой, ну повздорил с кем-то в коридоре, обычное дело для первокурсников. Если хочешь, я поговорю с ним по-мужски. Но уверен, ты просто накручиваешь себя.

Я промолчала, понимая, что пробивать стену его железобетонной уверенности сейчас бесполезно. Дима жил в мире, где все проблемы решались чёткими командами и деньгами, и искренне считал, что у его сына, за которым каждый день приезжает личный водитель, просто не может быть серьёзных неприятностей.

Дима посмотрел на меня, его взгляд немного смягчился. Он допил коньяк, поставил бокал и, протянув руку, поймал мои пальцы. Он потянул меня на себя, заставляя сесть к нему на колени, и обнял за талию, утыкаясь лицом куда-то в основание шеи.

— Ну всё, Ань, не хмурься, — тихо, почти ласково прошептал он, поглаживая моё бедро сквозь ткань халата. — Я же вижу, что ты переживаешь. Но правда, пустая тревога. Обещаю, в субботу вытащу мелкого на разговор, посидим в ресторане, пообщаемся. Иди ко мне.

Он привычно, спокойно целовал меня в шею. В этом жесте не было страсти, но было то самое уверенное тепло мужчины, который искренне считал себя идеальным мужем. Он любил меня. Той самой ленивой, консервативной любовью, которой любят дорогую, незаменимую вещь. Для него я бы-

ла идеальной гаванью, абсолютным покоем и безупречным лицом его успешной жизни. И пока этот фасад оставался целым, Диму всё устраивало.

Я обняла его за плечи, мягко погладив по коротким волосам на затылке. Чужой, едва уловимый шлейф сладких духов на его воротнике уже почти выветрился, уступив место запаху его собственного тела, и я послушно заставила себя поверить, что мне всё просто показалось. Наверное, я действительно накручивала себя от домашнего одиночества.

— Ладно, — тихо сказала, целуя его в висок и аккуратно поднимаясь с его колен. — Отдыхай. Посуду я потом заберу.

Я вышла из кабинета, бережно прикрыв за собой тяжёлую дверь. На душе стало чуть спокойнее, убаюканное его уверенностью.

Следующие три дня прошли в тягучем, обманчивом затишье. Дима пропадал на объектах, но возвращался уже без того дикого напряжения, люди Барсова действительно навели порядок, поджоги прекратились, и муж постепенно успокоился. Артём уходил утром, возвращался в четыре, сразу запирался у себя и ссылался на тяжёлую сессию. Я пыталась ловить его взгляды, но сын мастерски уклонялся от любых расспросов. Я почти поверила Диме: пацан просто взрослеет.

В пятницу погода испортилась. С утра небо затянуло тяжёлыми, свинцовыми тучами, а к обеду зарядил мелкий, хо-

лодный дождь, безжалостно сбивающий лепестки с цветущих в саду яблонь.

Я сидела в гостиной с чашкой чая. Ноутбук сегодня открывать не хотелось. Сюжет романа замер, будто выжидая чего-то, да и внутри росла какая-то смутная тревога, которую я списывала на перемену погоды.

В четыре часа за коваными воротами послышался рокот мотора. Я подошла к окну. Седан плавно заехал на дорожку, но не затормозил у самого крыльца, как обычно. Он остановился чуть дальше. Задняя дверь открылась, и Артём буквально вывалился на улицу. Он не шёл, он почти бежал к дому, низко опустив голову и натянув капюшон так, что лица не было видно вообще. Дождь мгновенно пропитал его лёгкую толстовку.

Дверь отворилась. Артём ворвался в холл, с трудом втягивая в легкие воздух, и сразу рванул к лестнице, даже не пытаясь разуться.

— Тёма! — я перехватила его у самой первой ступеньки, намертво вцепившись пальцами в его мокрый рукав. — Тёма, стой. Ты весь мокрый, куда ты в грязных кроссовках?!

— Отпусти, мам! Я переоденусь, я испачкал пол, я сейчас вытру, просто пусти! — его голос сорвался на какой-то неестественный, испуганный фальцет. Он дёрнулся, пытаясь вырвать руку, но капюшон от резкого движения съехал назад, открывая лицо.

У меня внутри всё заледенело. Справа, чуть выше скулы,

у Артёма наливался тяжёлый, багрово-синий синяк, переходящий на бровь. Кожа вокруг него вздулась, а нижняя губа была глубоко рассечена и всё ещё слегка кровила, на подбородке виднелась тонкая, уже подсохшая красная дорожка.

— Господи... Тёма... — выдохнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Что это? Кто тебя?

— Никто! Я упал, мам! На крыльце университета поскользнулся, там пчела... то есть, дождь, скользко было! — он понёс какую-то абсолютную, паническую дичь, судорожно пытаюсь закрыться ладонью. Его всего мелко трясло. — Не говори отцу. Пожалуйста... мам, не говори ему!

Мой мягкий, интеллигентный мальчик стоял передо мной, избитый, униженный, и больше всего на свете боялся не тех, кто это сделал, а гнева собственного отца.

И в этот момент моя привычная, покорная тишина внутри лопнула. На её место пришла ярость.

— Иди в комнату, Тём. Я сейчас принесу лёд, — сказала я совершенно чужим, ровным и холодным голосом.

Следующие три часа потянулись как бесконечная, душная лента. Я поднялась к сыну, молча обработала рассечённую губу антисептиком, приложила к раздувшейся скуле холодный компресс. Артём отворачивался, шмыгал носом, прятал глаза. Я не задавала вопросов, видела, что бесполезно, он замкнулся. Убедившись, что у него не кружится голова и нет тошноты, я спустилась вниз.

Я не стала звонить Диме на работу. Не стала срывать его с

совещаний паническими криками в трубку. Я просто села в гостиной в кресло напротив входной двери. Когда услышала шорох, подскочила.

Дима вошёл в дом, как всегда безупречный, уверенный в себе, несущий в дом шлейф дорогого парфюма и спокойной успешности.

— Привет, Ань, — он протянул мне портфель, подставляя щеку для поцелуя.

Я не забрала портфель. И целовать его не стала. Я просто посмотрела ему прямо в глаза. Мой взгляд, видимо, был таким, что Дима осёкся. Рука с портфелем так и зависла в воздухе.

— Аня? Что-то случилось?

— Пойдём в кабинет, Дима, — тихо сказала я. Развернулась и пошла в нужном направлении.

Муж нагнал меня уже у двери кабинета, на ходу скидывая пальто. Лицо его начало стремительно хмуриться. Мы зашли внутрь, и я плотно закрыла за собой дубовую створку.

— Аня, не тяни резину, у меня голова раскалывается. Что за вид?

— Твоего сына сегодня избили, Дима, — чётко, разделяя каждое слово, произнесла я. На удивление, мой голос даже не дрожал. — Избили прямо у твоего хвалёного, элитного университета, куда ты его с таким гордым видом пристроил. Лицо в кровь, гематома на пол-лица, губа порвана. Твой водитель Олег привёз его такого и послушно смолчал, потому

что Тёма умолял его не говорить тебе.

Дима замер. На секунду его лицо стало абсолютно белым, а глаза потемнели от мгновенно вспыхнувшего, бешеного мужского эго. Его сына. Сына Дмитрия Анатольевича, крупного застройщика, у которого пол-администрации в друзьях, зажали как дворового щенка и разукрасили лицо. Это был удар не столько по Тёме, сколько по его собственному, выверенному статусу. Его территорию нарушили. Его фамилию опустили.

— Кто? — Дима даже не повысил голос, но я слишком хорошо знала этот тон.

— Он не говорит. Боится. Тебя боится, Дима! Потому что ты вместо поддержки начнёшь орать, что он размазня и не умеет держать удар.

Муж судорожно выдохнул, запустив пятерню в идеально уложенные волосы, разрушая свою безупречность. Он прошёлся по кабинету от окна к столу. Идти в полицию? Смешно. Сынки таких же чиновников или силовиков замнут дело за день, а Тёму в институте после этого просто загнобят окончательно. Сам Дима поехать и набить морду первокурсникам не мог, не тот уровень, не те методы. Нужна была сила другого порядка. Эффективная, теневая, способная решить вопрос быстро и без лишней вони.

Дима резко остановился у стола, вытащил из кармана мобильный и быстро пролистал контакты. Я смотрела на него, скрестив руки на груди. Муж нажал кнопку вызова и при-

жал трубку к уху. В абсолютной тишине кабинета я отчётливо слышала длинные гудки. На третьем связь установилась. Голос в динамике звучал тихо, молодо, но в его абсолютной уверенности была такая ледяная власть, что я невольно застыла, рассматривая собственные пальцы, сцепленные в замок.

— Да, Дмитрий Анатольевич. Слушаю. На объектах ЧП?

— Нет, Никита, на объектах всё тихо, — Дима заговорил быстро, с потаённой, тщательно скрываемой суетой, которая выдавала его уязвленное эго. — Мне нужна... другая услуга. Личного характера. Заплачу сколько скажешь. Моего сына сегодня прессовали у корпуса института. Мне нужно, чтобы твои люди зашли туда. Вычислили, кто это сделал, и закрыли вопрос так, чтобы эти гады до конца жизни боялись к моему сыну подойти. И... присмотри за парнем. Выдели человека на сопровождение.

В трубке повисла пауза. Я поняла: на другом конце сейчас тщательно взвешивают слова мужа. Для серьёзного ЧОПа разнимать студенческие конфликты было слишком мелко. Но Дима был стратегическим клиентом с огромными бюджетами.

— Я сам займусь вашим делом, Дмитрий Анатольевич. Лично, — отозвался ровный, глубокий голос Барсова.

Дима удивлённо вскинул брови.

— Сам?

— Молодёжь — фактор непредсказуемый, — спокойно

продолжил Никита. — Здесь важно не шуметь и быстро понять, кто за кем стоит. Я не люблю работать вслепую.

Динамик телефона был громким, и в тишине кабинета я отчётливо слышала каждое слово.

— Чтобы не привлекать лишнего внимания и собрать информацию изнутри, я на время заменяю водителя вашего сына. В понедельник утром сам за ним заеду. Скиньте адрес и контакты водителя. По машине я сам всё состыкую.

Дима от удивления даже слегка приоткрыл рот. Он явно не ожидал, что Барсов станет заниматься этим лично. И почти сразу на лице мужа проступило довольное, сытое выражение. Его это ласкало уже одно то, что человек уровня Никиты Барсова сам включился в проблемы его семьи.

— Да... отлично, Никита. Спасибо. Машину можешь взять мою, седан. Олег передаст ключи. Ждём тебя в понедельник. Доброй ночи.

В трубке пошли короткие гудки. Мой муж медленно опустил телефон и посмотрел на меня с тем особым выражением мужской удовлетворённости, которое появлялось у него всякий раз, когда мир в очередной раз подтверждал его значимость.

— Ну вот и всё, Ань. Проблема закрыта. Барсов лично разберётся. Ты вообще понимаешь, кто это такой? Его в городе даже серьёзные люди лишний раз стараются не задевать, а он нашего мелкого возить будет.

Дима усмехнулся, явно наслаждаясь собственными связя-

ми.

— В понедельник утром он будет у нас. За выходные Тёма немного оклемается, отёк спадёт... А потом от этих институтских мажоров даже мокрого места не останется, если Никита за них возьмётся.

— Дима, подожди, — я качнула головой, подавляя внутреннюю дрожь. — Тёма и так запуган. Если он узнает, что отец нанял для него личного ликвидатора проблем, он вообще откажется в институт ходить. Сгорит от стыда.

Муж нахмурился, обдумывая мои слова, и нехотя кивнул:

— Ладно. Твоя правда. Пацана сейчас дожимать не надо. Скажем, что Олег взял пару дней по семейным обстоятельствам, а контора прислала временную замену.

Он спокойно пожал плечами.

— А Барсов пока осмотрится, соберёт информацию и тихо закроет вопрос.

Я молча кивнула, чувствуя, как внутри наконец немного отпускает удавка страха за сына. Дело сделано. Самая надёжная, железобетонная защита обеспечена.

Тогда мне казалось, что это просто удачное совпадение. Короткий телефонный звонок, который должен был закрыть семейную проблему. Я даже не догадывалась, что именно в этот момент пришёл в движение скрытый механизм, и остановить его будет уже невозможно.

Глава 2.

Анна.

Субботу и воскресенье Тёма почти не выходил из своей комнаты, учил билеты к семинару. Когда я заходила к нему, чтобы принести еду или обновить повязку, он каждый раз испуганно отворачивался от зеркала на дверце шкафа, пытаюсь скрыть, как судорожно разглядывает свои синяки. К вечеру воскресенья багровый отёк сошёл, оставив лишь плотную желтоватую гематому на скуле, которую, если сильно натянуть капюшон, было почти не видно. Когда Дима за ужином обыденным тоном разыграл карту с «отпуском Олега», сын только безучастно кивнул. Ему было всё равно, кто нажимает на педаль газа.

Утром в понедельник Тёма, как обычно, опаздывал. Он влетел на кухню уже в куртке, на ходу стянул со стола бутерброд с сыром, сделал пару глотков чая, наскоро чмокнул меня в щеку, оставив на коже след от крошек, и побежал к выходу, бросив: «Мам, я полетел, а то на семинар опоздаю!».

— Удачи, сынок, — тихо крикнула я вслед.

Хлопнула входная дверь. Я медленно подошла к большому кухонному окну и отодвинула край плотного тюля.

На подъездной дорожке стояла наша рабочая чёрная «Камри», на которой Олег обычно возил Тёму в институт и мотался по моим хозяйственным поручениям. Вроде всё

выглядело как всегда. Но я знала, что на месте привычного Олега сейчас сидит Никита. Это знание цеплялось за его фигуру в салоне, казавшуюся слишком чужой и собранной.

Из окна, сквозь густую утреннюю сырость и плотную тонировку лобового стекла, разглядеть лицо водителя было невозможно. Я видела лишь тёмный, застывший контур. Крупный, широкоплечий, монолитный. Этот силуэт не двигался. Барсов просто ждал, он приехал работать.

Тёма быстро добежал до машины, дёрнул пассажирскую дверь и нырнул на переднее сиденье. Седан плавно, без единого рывка тронулся с места, послушный железной руке нового водителя, и исчез за коваными воротами посёлка.

Тонкая ткань вернулась на место. Я осталась стоять одна посреди огромной кухни. На столе осталась недопитая чашка Тёминого чая. Барсов увёз моего сына в эпицентр пятничного кошмара, и мне оставалось только ждать.

Прошло около четырёх часов. Я ходила по дому из угла в угол, не находя себе места, когда на телефон пришло сообщение от Артёма. Я схватила мобильный, ожидая худшего, но текст заставил меня застыть посреди гостиной:

«Мам, это просто жесть!!! Тот водитель, которого папа вместо Олега прислал... Никита... Короче, я тебе дома расскажу, у меня руки до сих пор трясутся. Он этих уродов у корпуса... Блин. Mam, это было страшно».

Никита.

Я загнал «Камри» на парковку прямо перед главным корпусом, перекрывая выезд какому-то пижонскому «БМВ». У ступеней уже тёрлась кучка парней в дорогих шмотках. Расслабленные позы, громкий смех, уверенность людей, которых в жизни ещё ни разу по-настоящему не били.

Я плавно остановил машину и бросил взгляд на Артёма. Тот сидел, вжав голову в плечи, пальцы побелели на лямке рюкзака.

— Приехали, Громов, — спокойно сказал я.

Тёма судорожно сглотнул, кивнул и дёрнул ручку двери. Я остался в салоне, лениво опустив ладони на руль, но взгляд мой сразу включился в режим сканера. Я отследил, как Громов-младший поднимается по ступеням. Заметил, как кучка мажоров у входа оживилась. Центральной у них, высокий кудрявый парень в замшевом бомбере, при виде Тёмы криво оскалился и что-то громко крикнул ему в спину. Остальные хохотнули. Артём даже плечи не развернул, просто вжал голову, ускорил шаг и скрылся за тяжёлыми дверями.

Я чуть сузил глаза, разглядывая этого кудрявого сквозь стекло. Запомнил лицо и шмотки. Пятеро в обойме. Пометочку сделал.

Я отъехал вглубь парковки, подальше от камер, заглушил мотор. Снял пальто, оставшись в простых тёмных джинсах и чёрной облегающей футболке, скрывавшей меньше, чем стоило бы. В свои двадцать два среди этих первокурсников я сойду за своего, разве что взгляд слишком тяжёлый, не сту-

денческий.

Я вышел, открыл багажник и достал неприметный спортивный рюкзак, чисто для антуража. Перекинул одну лямку через плечо и двинулся к корпусу. У входа как раз шёл плотный поток. Какой-то парень в очках суетливо приложил пропуск к турникету, и я плавно, как тень, вклинился прямо за его спиной, проходя контроль. Охрана на входе даже ухом не повела.

Внутри гудел улей. Я шёл не торопясь, оценивая обстановку. Наткнулся на стенд с расписанием юрфака, быстро нашёл нужную группу. Первая пара — римское право, аудитория 302. Всего сегодня три пары, значит, пацан освободится ближе к двум часам дня. Времени вагон.

Мимо прошли три студентки, на ходу бурно обсуждающие какого-то препода. Заметив меня, они мгновенно замолчали, стрельнули глазами по моим плечам и татуировке. Я спокойно встретил взгляд самой смелой, девчонки сразу присунули в ладони и зашептались, а я пошёл дальше. Мне нужна была информация. Прошёлся по этажам, заглянул в буфет, постоял на уличной курилке. Весь этот студенческий улей жил своей шумной, беспечной жизнью, и обсуждать Громова никто, конечно, на каждом углу не собирался. Но в таких местах слухи всегда циркулируют вокруг местных «авторитетов».

В кофейном холле я заметил кучку первокурсников-активистов, из тех, кто вечно варится в профкомах и знает каж-

дую собаку на потоке. Купил кофе, встал рядом у высоко-го столика. Когда они заспорили про какую-то предстоящую вечеринку, я ненавязчиво вклинился в разговор, подкинув пару фраз на их сленге. Слово за слово, и я аккуратно, без нажима, перевёл тему на утреннюю компанию у крыльца. Спросил чисто мимоходом, кивнув на окно: «А что за кудрявый там на входе воздух сотрясал? Наглый какой-то».

Пацаны охотно заглотили наживку. Через две минуты я уже знал, что кудрявого зовут Ромка Казанцев, что он тут считает себя неприкасаемым королём, потому что батя сидит в областной прокуратуре, а за ним хвостиком ходит местная шобла. Ради интереса я закинул удочку дальше, спросив про паренька, которому этот Казанцев что-то кричал в спину. Студенты пренебрежительно хмыкнули. Оказалось, Артёма Громова на юрфаке прессовали уже вторую неделю чисто ради забавы, как безобидного, домашнего «мамсика», который никогда не даст сдачи.

Информацию принял. Всю картину согнал.

На переменах я держался в тени. Стоял у колонны в коридоре, листал телефон. Артём выходил из аудитории, забивался в самый дальний угол с учебником, стараясь быть невидимым. Казанцев со своими псами пару раз проходил мимо, демонстративно задевал парня плечом, что-то цедил сквозь зубы. Громов-младший только ниже опускал голову.

Я всё видел. Спрос будет позже. Чисто по моему уставу.

Пары закончились, по расписанию последней стояла физ-

культура, и студентов выгнали на уличный стадион за корпусом. Артём шёл позади всех, уныло глядя под ноги.

Я двигался следом, держа дистанцию, аккуратно срезая углы по заросшим аллеям.

Из-за кустов сирени у самого стадиона неожиданно выскочили двое. Один, крепкий боксёрчик, с ходу ухватил Артёма за шкурку куртки и резко рванул на себя, утягивая за угол здания. Там был кирпичный закуток, куда не выходили окна университетских кабинетов. Самое глухое место, которое эти щенки выбрали для своего триумфа.

Я бесшумно завернул за угол и остановился, прислонившись плечом к шершавой стене. Всё оказалось предсказуемо: Артёма уже толкнули в грудь, и он полетел на землю, испачкав джинсы в сырой грязи. Перед ним стояли трое. Казанцев в своём замшевом бомбере и двое его цепных псов, включая того боксёрчика.

— Ну что, Громов, думал, на выходных отсиделся и всё, соскочил? — Казанцев сделал шаг вперёд, брезгливо разглядывая желтоватый синяк на скуле Тёмы. — На колени встал. Быстро. Пока я тебе вторую сторону не разукрасил.

— Опа... Пацаны, — тихо, с лёгкой хрипотцой произнёс я, делая шаг из тени стены. — А чё тут происходит?

Три мажора резко обернулись. Казанцев окинул меня презрительным взглядом: обычные джинсы, футболка, спортивный рюкзак на плече. Студент какой-то левый, который явно дорогу попутал.

— Ты кто такой вообще? Вали отсюда, пока тебе самому тут не наваляли, — рявкнул боксёрчик, делая шаг навстречу и бычась.

— Да я как бы... брат Артёма, — я чуть склонил голову набок, криво усмехнувшись. Говорил нарочито спокойно.

Мажоры переглянулись и дружно хихикнули.

— Брат? Ну сейчас и брату лицо поправим, — боксёрчик резко, исподтишка, решил выкинуть правый прямой в мою челюсть.

Обычный дворовый удар. Размашистый, читаемый ещё с плеча. Я даже рюкзак не скинул. Сделал короткий уклон влево, уходя с линии атаки, и встречный, тяжелый хук точно в печень. Чётко, профессионально, с доворотом корпуса. Боксёрчик мгновенно потерял воздух, хрюкнул и сложился пополам, рухнув на колени и хватаясь за правый бок.

Второй мажор нахмурился, попытался двинуться на меня, но я сработал на опережение. Шаг вперёд, жёсткий лоу-кик по опорной ноге, от которого парень вскрикнул, теряя равновесие, и короткий хлёсткий удар ладонью снизу вверх точно в нос. Послышался сухой хруст, брызнула кровь, мажор отлетел к кирпичной стене, сползая по ней на корточки и размазывая юшку по лицу.

Всё заняло три секунды. Со стороны это, наверное, выглядело эффектно: быстро, чисто, без лишних движений. Но для меня тут не было никакой красоты, только сухая геометрия и физиология: уход с линии атаки, удар на выдохе, сло-

манная траектория. Мои руки помнили сотни таких уличных разборок, отцовская школа в подвалах зря не прошла. Даже адреналин не поднялся. Слишком лёгкая работа.

Казанцев остался один. Из него в миг вылетела вся спесь. Он стоял, бледный как мел, переводя взгляд с корчащихся на земле приятелей на меня. Артём на земле вообще замер, боясь дышать от увиденного. У него на лице читался такой шок, будто перед ним только что разверзлась земля.

Я медленно подошёл к Казанцеву. Тот попытался было дёрнуться назад, но я резко, без предупреждения, пробил ему короткий, плотный апперкот в челюсть. Не наповал, чисто чтобы сбить спесь и пустить кровь. Кудрявый отлетел назад, спиной впечатываясь в кирпичную кладку. Зубы клацнули, изо рта потянулась тонкая красная струйка.

Пока он не сполз, я схватил его за лацканы замшевого бомбера, приподнимая на цыпочки и фиксируя у стены. Приблизил своё лицо, глядя мажору прямо в расширенные, мечущиеся зрачки.

— Значит так, уроды, — тихо, почти шёпотом отчеканил я, чувствуя, как парень под моими пальцами начинает мелко дрожать. — Если мой брательник хоть раз заикнётся, что кто-то в этом вузе на него косо посмотрел, слово кривое сказал или толкнул... спрашивать я буду чисто с тебя, Казанцев, и с твоих псов. Понял меня? Мне плевать, кто его обидит — старшекурсники, физрук или заезжие гастролёры. Спрос будет с вас. Теперь вы — его личная охрана. Пылинки с него

сдувать будете, если хотите доучиться и остаться целыми.

Я чуть сильнее вжал его в кирпичи, заставляя хрипеть.

— И про бату своего прокурорского забудь, — голос стал ещё тише, превращаясь в ледяное шипение. — Передай ему привет. Скажи, от Барсова. Он умный мужик, сразу всё поймёт и объяснит тебе, почему в эту сторону даже дышать громко не стоит. Расклад уяснил?

Казанцев судорожно, мелко закивал, даваясь собственной кровью. Судя по всему, фамилию мою он слышал впервые, но мой тон подействовал покруче любого апперкота. Парень сообразил, что я не блефую: против такой уверенности никакие папины связи не сработают, и связываться со мной его прокурорскому бате будет себе дороже.

Я чуть встряхнул его, заставляя смотреть прямо на меня. Этот разговор для меня был не более чем ленивой разминкой между делом, но правила игры мажору нужно было вбить намертво.

— Запомни. Для вас он больше не «мамсик» и не «малыш». Отныне для каждого из вас он Артём Дмитриевич. Понял меня? Кивни ещё раз.

Кудрявый снова послушно закивал. Я разжал пальцы, безгловно отпустил дорогую куртку, позволяя ему сползти по стене, и повернулся к Громову-младшему. Протянул ему руку, помогая подняться.

— Вставай, Артём Дмитриевич, — я похлопал его по плечу, сбивая пыль. — Отряхивайся и иди на стадион. Физра

сама себя не отзанимается.

Тёма моргнул, пытаясь выровнять сбившееся от адреналина дыхание.

— Я в машину. Жду тебя там, — я улыбнулся, бросив короткий взгляд на притихших мажоров у стены. — Иди спокойно. Парни тебя проводят, если надо. И форму донести помогут. Правда, Казанцев?

Кудрявый судорожно шмыгнул разбитым носом и поспешно закивал.

Тёма поднялся, отряхнул джинсы. В его глазах был такой дикий восторг и преклонение передо мной, будто перед ним стоял бог. Он расправил плечи, развернулся и уверенным шагом пошёл обратно к стадиону. А за ним, едва переставляя ноги и утирая кровь, поплелась его новая «личная охрана».

Я проводил их взглядом, развернулся и не торопясь пошёл к выходу с территории вуза. Минут через десять я уже сидел в «Камри». Завёл мотор, накинул обратно пальто. Достал телефон, открыл чат с Громовым-старшим. Набрал короткое, сухое смс: *«Дмитрий Анатольевич, вопрос в институте закрыт. С обидчиками провел беседу, расклад он принял. Угрозы для Артёма больше нет. Жду Артема с последней пары, после чего возвращаемся на адрес».*

Нажал «отправить». Бросил мобильный на торпеду, откинулся на кожаное сиденье и прикрыл глаза.

Пара закончилась через час. Артём шёл к машине уже со-

всем другой походкой: плечи развёрнуты, шаг свободный, подбородок вверх. Казанцев со своей шоблой плёлся чуть позади, как побитые псы, провожая его до самой калитки вуза. Материал усвоили на отлично.

Тёма прыгнул на пассажирское сиденье, захлопнул дверь и повернулся ко мне. Его буквально трясло от возбуждения, глаза горели.

— Никит, это... это просто жесьть! Ты бы видел их на поле! Ромка мне мяч сам отдавал, пацаны с потока вообще в шоке, никто не понял, что случилось! — затараторил он, активно размахивая руками. — Слушай, ну ты же не просто водитель, да? Обычные водилы так людей в печень не складывают. Кто ты вообще такой?

Я плавно выехал с парковки, перестроился в правый ряд и бросил на него короткий взгляд.

— У бати твоего работаю, — спокойно ответил я, крутя руль одной рукой. — Охранная фирма у меня. Дмитрий Анатольевич попросил присмотреть за тобой, пока твой Олег в отпуске. Вот и весь расклад.

— Охранная фирма... — Тёма уважительно протянул, откидываясь на спинку сиденья. — Жестко ты их.

— Меньше слов, Громов. Сила любит тишину, — отрезал я, прибавляя газ на шоссе. — В общем, так. Если по учёбе какие проблемы, или ещё кто косо посмотрит, шумани мне сразу. Номер на визитке. Разрулим в одну секунду.

— Спасибо, Никит. Реально, спасибо...

Я помолчал, слушая, как парень судорожно вздыхает. Посмотрел на его худые плечи, на этот желтоватый синяк, который он больше не пытался прятать под капюшоном. Слабенький он ещё, домашний. Таких жизнь ломает быстро, если стержня внутри нет. А стержень надо ковать.

— А вообще... знаешь что, Артём? — я сбавил скорость перед въездом в посёлок и повернулся к нему. — Не хочешь потренироваться?

Парень удивлённо моргнул:

— В смысле? В зале?

— В смысле рукопашка, железо, удары, — я понизил голос, чеканя слова. — Научу тебя кое-каким приёмам. Чтобы в следующий раз тебе не приходилось на землю падать и брата выдумывать. Чтобы сам мог за себя спросить, как мужчина. Время у меня найдётся. Что скажешь?

У Тёмы даже рот приоткрылся от восторга и дыхание перехватило.

— Вау... Никит... Конечно хочу! Очень хочу! Меня папа пару раз пытался в секцию отдать, но там тренеры какие-то... ну, не такие. А у тебя... Ты правда научишь?

— Моё слово кремень, — ответил четко, сворачивая на их улицу. — Завтра и начнём. Будем делать из тебя человека, Громов. Чисто по моим правилам.

«Камри» плавно зашуршала шинами по гравийной дорожке перед домом Громовых. Я заглушил мотор. С пацаном контакт налажен, правильные ориентиры я ему задал. Даль-

ше сам начнёт обрастать мясом и характером.

Тёма выскочил с пассажирского сиденья, подхватил рюкзак и пулей полетел к крыльцу, влетая в дом, чтобы захлебнуться эмоциями перед матерью. Я спокойно вышел следом, запер седан и бросил ключи в карман пальто. Семейная машина остаётся на адресе, как и положено по уговору с Грозовым-старшим.

Свою тачку я оставил за коваными воротами посёлка. Дошёл до неё не торопясь, закинул рюкзак на заднее сиденье и завёл мотор. Моя смена на сегодня закончена. Я выжал педаль газа и погнал в сторону города.

Анна.

Прошло ещё около двух часов, прежде чем за окном слышался знакомый шорох шин. Чёрная «Камри» плавно остановилась на прежнем месте. Я замерла у окна, вглядываясь сквозь пелену тюля. Из машины пулей выскочил Артём, а водитель, закрыв седан, уверенным, широким шагом направился к выезду из посёлка. Я видела только тёмное пальто и удаляющийся мощный силуэт.

Входная дверь распахнулась, и на кухню буквально влетел сын. Его щёки горели румянцем, рюкзак болтался на одном плече, а глаза... я впервые за эти недели видела у него такой бешеный, лихорадочный блеск.

— Мам! Ты просто не представляешь, что было! — выдохнул он, сбрасывая кроссовки прямо в проходе.

Я подошла к нему, всматриваясь в лицо, проверяя, цел ли:
— **Тёмочка, успокойся. Что случилось?**

— Мам, этот Никита... он просто... я не знаю, он нереальный какой-то! — затараторил сын, хватая со стола стакан с водой, половину проливая мимо и выпивая остаток залпом.
— Мы приехали к корпусу, а там Ромка со своими псами на крыльце, ну Казанцев который... Я думал, всё, опять начнётся, труханул капец. А после пар они меня в закутке за стадионом прижали. Трое на одного! Ромка на колени меня поставить хотел... И тут Никита! Мам, он просто из тени вышел... Спокойный такой, хмурый. Те... ну, боксёрчик этот их, двинуть ему хотел, а Никита... чёрт, я даже не понял, как это вышло! Уклон и бам! Тот сразу пополам сложился, захрюкал, на землю упал. Второй дёрнулся. Никита его с ноги, а потом ладонью снизу в нос, хруст на весь двор, кровь во все стороны! Как тигр, понимаешь? Как хищник! Движения такие... раз, два и всё, чистая секунда! Он Ромку к стене прижал, за куртку поднял, лицо в лицо... Тот бледный, обтекает, сопли кровавые жуёт. Никита ему сказал, что если с моей головы хоть волос упадёт, он им всем руки переломает. Назвал меня Артёмом Дмитриевичем перед ними! Представляешь, мам? Они потом за мной на физре форму носили! Ромка мне мяч сам отдавал и заглядывал в глаза, как побитый!

Тёма перевёл дыхание, расплываясь в сумасшедшей, счастливой улыбке:

— Он не просто водитель, мам. У него охранный фирма

своя. И знаешь что? Мы ехали обратно, и он сам... понимаешь, сам предложил мне заниматься! Сказал — поставим тебе удар, подтянем по железу, чтобы больше на землю не падал и за себя мог спросить как мужик. Будем делать из тебя человека, говорит. Это просто мега-пацан, мам! Я завтра же на тренировку!

Я смотрела на Артёма и физически ощущала, как внутри меня, орган за органом, вымораживает ледяной коркой.

Сын захлёбывался восторгом, махал руками, показывая какие-то уклоны и удары, а у меня перед глазами стояла багровая пелена. Кровь, хруст костей, двое сломанных парней в глухом закутке университета... Тёма видел в этом голливудский боевик и спасение. Я же видела почерк. Особый, хладнокровный почерк силы, от которого у меня, как у матери, внутри всё сжалось. Нормальные специалисты из агентств обычно действуют мягче, просто встают между конфликтующими сторонами, дают авторитетом, предупреждают. А этот Никита... он шёл калечить. Быстро, страшно, безжалостно.

Внутри меня на секунду поднялась паника, но тут же утихла, когда в памяти всплыли слова мужа: *«Там такая порода... Слышала, может, про его отца? В девяностые его вся область знала. Пацан легализовался... Жесткий, как вольфрам».*

Ну конечно. Вот она, та самая «отцовская порода» в действии. Дима ведь предупреждал, что парень непростой.

— Никита, значит... — эхом повторила я, обнаружив, что

мой собственный голос звучит как чужой, глухой и надтреснутый.

— Да, мам! Вот, он мне визитку свою дал, сказал шуметь, если чё! — Тёма с гордостью выудил из кармана джинсов плотный прямоугольник из чёрного матового пластика и крутанул его в пальцах.

Я машинально взяла карточку. На одной стороне не было никаких дурацких логотипов — только выдавленное серебром имя «Барсов Никита Михайлович» и номер телефона. Я перевернула её. На обратной стороне, строгим шрифтом: «Операционный контур. "Барс-Секьюрити"».

Барсов. Фамилия, которую назвал Дима, теперь обрела вполне реальное, осязаемое воплощение. Вся эта бандитская слава его отца из девяностых, о которой говорил муж, теперь хлёстко отозвалась в рассказе Тёмы.

Я провела пальцем по гладкой, плотной поверхности карточки и неожиданно поймала себя на странном спокойствии. Дима прав: это бизнес. Жёсткий, силовой, но всё же бизнес. И то, что этот молодой Барсов управляет своей системой и так спокойно, почти безошибочно решает любые вопросы, казалось мне только плюсом для безопасности нашего сына. Мой муж коммерсант, но он, похоже, нанял не просто охрану, а хищника, который умеет защищать так же легко, как и давить.

Внутри наконец-то ослабла железная удавка страха. Вольфрам так вольфрам. Главное, что Тёму больше никто не тро-

нет.

— Это... очень хорошо, сынок, — тихо улыбнулась я, возвращая ему темный прямоугольник и глядя сына по плечу. — Папа нашёл отличного специалиста. Раз обещал научить — тренируйся. Нам всем нужно уметь стоять за себя.

Я уверила себя, что всё под контролем, что это правильный выбор моего мужа — поставить рядом с нашим сыном сильного человека.

Прошла неделя...

В университете, правда, стало тихо. Последствия той стычки за стадионом не вылились в открытый скандал. Они пришли мягко, почти официально, и так выверено, как всегда и бывает в таких местах. Ромка Казанцев больше не шутил на крыльце. Он вообще стал исчезать из коридоров в те моменты, когда появлялся Тёма.

По юрфаку поползли осторожные шепотки. Про какого-то «чужого», который за секунды уложил пацанов за корпусом. Без имён, без подробностей, но с тем самым оттенком, благодаря которому сплетни живут дольше фактов.

А в пятницу позвонила куратор. Вежливо, ровно, слишком официально спросила, кто сопровождает Артёма после занятий. Вопрос был задан без обвинений, но с тем холодным административным интересом, после которого обычно ничего не происходит, кроме того, что тебя начинают запоминать.

Я на секунду растерялась, но быстро взяла себя в руки.

— Это личная охрана семьи, — спокойно ответила я. —

При угрозе действует незамедлительно.

— Поняла, — после короткой паузы сказала куратор.

И на этом разговор закончился, но ощущение, что тема закрыта, почему-то не появилось. Никита сделал это один раз. Но этого оказалось достаточно, чтобы вокруг Тёмы легла тонкая, тревожная тень, которую замечали все, пусть никто и не говорил о ней вслух.

За эту неделю Тёма изменился до неузнаваемости. Каждый день после пар Никита увозил его в свой закрытый зал. Сын возвращался уставший, с забитыми мышцами, но с такой сумасшедшей искрой в глазах, какой я не видела у него никогда. Он перестал сутулиться, больше не прятал лицо. А ещё бредил своим тренером, цитировал его хлёсткие фразы про то, что «сила любит тишину», и засыпал с улыбкой.

Никиту я так ни разу и не увидела, он всегда забирал и высаживал Тёму у ворот посёлка, а до дома сын добежал сам. Для меня этот человек оставался просто далёким, надёжным мифом.

Всё взорвалось в среду.

Дима вернулся из офиса сам не свой. Я впервые видела мужа в таком состоянии: бледный, с серым лицом и каким-то больным, дёргающимся веком. Он даже не переоделся, прямо в мятом костюме заперся в кабинете и битый час страшно орал в трубку.

К ужину он вышел, когда на тарелках уже всё остыло. Дима сел за стол, но к еде даже не прикоснулся. Просто устал в одну точку.

— Дим, что происходит? — я мягко коснулась его ладони.
— На тебе лица нет.

Муж вздрогнул, перевёл на меня помутневший взгляд, и его пальцы судорожно, до белизны в суставах, сжали вилку.

— По бизнесу пошли грязные тёрки, Анют, — тихо, сипло произнёс он, то и дело поглядывая на окно, по которому хлестал дождь. — Очень грязные. Сегодня прилетел первый звоночек... Набрали на личный номер. Сказали, что знают, где учится Тёма, во сколько ты выезжаешь в город. Прямым текстом пообещали зайти через семью. Это не просто угрозы. У этих тварей нет никаких тормозов.

У меня внутри всё похолодело. Я инстинктивно взглянула на Тёму, который притих, переводя испуганный взгляд с отца на меня.

— Я уже поднял всех на уши, — Дима резко потёр виски, пытаясь собраться. — С Барсовым всё подписал. Завтра с утра к нам привезут бытовку, её поставят на пяточке у гаража и сделают там закрытый пост. Заступит постоянная смена, три-четыре человека, полностью перекроют двор и периметр нашего участка.

Я удивлённо приподняла брови.

Но... — он глухо выдохнул, качнув головой, — мне всё равно кажется, что этого мало. Двор — это двор. Мне будет

спокойно, только если прямо здесь, внутри дома, окажется их человек. Нам нужно намертво закрыть внутренний контур.

Муж умоляюще посмотрел на меня, в его глазах читалась непривычная, пугающая беспомощность.

— Анют, приготовь, пожалуйста, гостевую комнату на втором этаже, рядом с нашими спальнями. Мне нужен тот, кто будет на адресе круглосуточно, пока мы не закроем вопрос с этими уродищами.

Дима на секунду замолчал, потом добавил уже тише:

— Барсов сказал, что в дом сам подберёт человека из своих, самого надёжного. Кому доверяет как себе. — Дима устало выдохнул и повернулся к сыну: — Тёма, сможешь матери комнату подготовить.

— Да, пап, конечно, без проблем, — тихо ответил сын и сразу стал серьёзным, наконец-то почувствовав, насколько сильно напуган отец.

Я лишь молча кивнула, сжимая руку мужа под столом. Раз Диме так спокойнее, пусть будет комната. Какой-то суровый, проверенный спец из ЧОПа Барсова, который не подпустит к нам эту грязь. На душе даже немного отлегло. Муж всё контролирует, нас защитят.

На следующий день с самого утра на участке было шумно. Дима даже отложил поездку в офис и сам приехал контролировать процесс. Тяжёлый манипулятор кое-как протиснулся через кованые ворота, и на пяточке у гаража с грохотом вста-

ла серая, аккуратная бытовка: автономный пост охраны. Туда сразу завели кабели, подключили мониторы, на которые вывели картинку со всех камер по периметру нашего забора.

Двое охранников, крепкие и подтянутые мужчины в лаконичных чёрных поло и плотных брюках, тут же приступили к работе и начали первый обход территории. Из снаряжения на них были видны только аккуратные гарнитуры связи в ушах, но в каждой линии их фигур угадывалась жёсткая военная выправка. В движениях не было ни капли суеты.

От меня, по сути, ничего не требовалось, но это фоновое напряжение мешало сидеть на месте. Мне отчаянно хотелось, чтобы ребятам, которые будут нас защищать, было комфортно, поэтому я решила занять руки и голову привычным делом — готовкой. Муж сразу предупредил, что агентство полностью кормит своих сотрудников, у них там своё централизованное питание и строгий регламент, но я всё равно не удержалась. Решила испечь к чаю домашний пирог, чтобы отнести им на пост. Пусть у ребят в этой новой бытовке пахнет не только казённым пластиком, но и нормальной выпечкой. Хотелось хоть как-то поддержать парней, ведь им здесь теперь круглые сутки дежурить.

Параллельно мы с Тёмой поднялись на второй этаж готовить комнату. Дима сказал, что после обеда приедет тот самый телохранитель, который будет жить с нами под одной крышей.

Ближе к двум часам дня небо окончательно затянуло тя-

жёлтыми тучами, и по стёклам забарабанил густой, проливной дождь. За окном послышался низкий, глухой рокот мощного мотора. Я выглянула в окно: сквозь плотную стену ливня во двор плавно въехал огромный матово-чёрный внедорожник Porsche Cayenne. Машина выглядела угрожающе дорогой и массивной. Она мягко затормозила у самого крыльца, обдав гравийную дорожку фонтаном брызг.

Дождь уже лил сплошной стеной, когда в прихожей раздался короткий, уверенный стук. Тёма отвлёкся на телефонный звонок, поэтому встречать гостя я пошла сама.

Я распахнула дверь, и в лицо сразу уд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.